

Яков Гордин

ДЕКАБРИСТЫ

МЯТЕЖ РЕФОРМАТОРОВ

Санкт-Петербург

УДК 94(47).07
ББК 63.3(2)47
Г 68

Серийное оформление Вадима Пожидаева
Оформление обложки Валерия Гореликова

Гордин Я.

Г 68 Декабристы. Мятеж реформаторов / Яков Гордин. — СПб. :
Азбука, Издательство АЗБУКА, 2025. — 672 с. + вкл. (16 с.) —
(Non-Fiction. Большие книги).

ISBN 978-5-389-29819-4

Восстание 14 декабря 1825 года ознаменовало новую веху в отечественной истории. Несмотря на трагичный исход, оно оказало колоссальное влияние на все дальнейшее развитие общественно-политической мысли в России и до сих пор, спустя 200 лет, нуждается в самом пристальном изучении и осмыслении.

Кто были те молодые реформаторы, решившиеся отстаивать свои идеалы с оружием в руках; какие цели они преследовали и насколько едины были в благих устремлениях? Эти и другие вопросы, касающиеся восстания 1825 года, и в наше время вызывают самый живой интерес и горячие дискуссии.

Автор этой книги — известный историк и публицист Яков Аркадьевич Гордин. Феномен движения декабристов стал одной из центральных тем его исследований. Опираясь на широкий круг источников (воспоминания участников восстания, свидетельства современников, материалы следствия, архивные документы и др.), учитывая обширную научно-историческую литературу, Я. А. Гордин воссоздает события 14 декабря 1825 года и предшествовавших месяцев, прослеживает действия основных заговорщиков и лиц из правительственного лагеря. В книге пересматриваются и во многом уточняются сложившиеся представления как о ходе восстания, так и о мотивах его участников. Ключевым событиям предпослан очерк, посвященный политической роли русской гвардии в XVIII — начале XIX века. Увлекательно написанная, книга адресована всем, кто интересуется историей России.

УДК 94(47).07
ББК 63.3(2)47

ISBN 978-5-389-29819-4

© Я. А. Гордин, 2025
© Всероссийский музей А. С. Пушкина, 2025
© Государственный исторический музей, 2025
© Оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2025
Издательство Азбука®

Жестоко, безнадежно бы было нравственное положение тех, кто, жертвуя собой для общей пользы, потерпит неудачу и вместо признательности и сожаления подвергнется несправедливому осуждению современников, если бы для них не существовало истории, которая, внося в скрижали свои совершившийся факт, постепенно с течением времени очищает их от всяких неправд и представляет потомству в настоящем виде... да утешатся все те, кто действует во имя успеха и страдает в этой временной жизни за свою благую цель. Настанет, несомненно, та минута, когда потомство признает их заслуги и с признательностью станет произносить их имена.

Декабрист Н. В. Басаргин

ПРЕДИСЛОВИЕ

С восстанием крестьян неминуемо соединены будут ужасы, которых никакое воображение представить себе не может, и государство сделается жертвою раздоров и, может быть, добычею честолюбцев.

Полковник Трубецкой. 1844

Мы не хотим вызвать революцию, напротив, мы хотим предотвратить ее.

Полковник Бок. 1818

Предлагаемая читателю книга — результат многолетнего изучения и обдумывания источников разного рода, как публиковавшихся последние полторы сотни лет, так и архивных.

Первое сочинение, посвященное декабристам, было написано мной в 1964 году — документальная пьеса «Мятеж безоружных». С тех пор эта проблематика в той или иной форме присутствовала в моей литературной работе в виде отдельных публикаций в периодике.

В процессе собирания и изучения материала выяснилось, что возможно отказаться от многих устоявшихся представлений. Так, знакомство с собранием писем из крепости полковника Булатова, адресованных великому князю Михаилу Павловичу, в сочетании с внимательным изучением ряда следственных дел позволило понять истинные предпосылки поражения восстания — борьбу внутри тайного общества. Прочтение в не опубликованном тогда следственном деле подпоручика Ростовцева полного текста его письма великому князю Николаю явилось в неожиданном свете его «предательство» и опять-таки взаимоотношения лидеров заговора. А обнаруженная в Отделе

рукописей Государственной публичной библиотеки обширная записка генерала Е. А. Головина содержала неизвестные дотоле, но принципиально важные факты, касающиеся положения в гвардейских полках и настроения гвардейского генералитета в день 14 декабря.

Подобных примеров можно привести достаточно.

Монографический вариант исследования, вышедший в 1985 году, назывался «События и люди 14 декабря». Эпиграфом я взял слова академика Милицы Васильевны Нечкиной: «Декабристы не были горсточкой беспочвенных мечтателей, оторванных от общества своего времени. Такое представление (а оно долго держалось в литературе) было бы крайне неверным. Нет, декабристы были наиболее ярким проявлением общего процесса. Их замыслы были понятны не им одним — около них был широкий круг сочувствующих».

В общественной ситуации середины 1980-х годов книга совсем не соответствовала канону, и апелляция к авторитету Милицы Васильевны была нелишней. Но это не являлось простым конъюнктурным жестом. В тексте Нечкиной явственно слышится скрытая полемика с хрестоматийно-установочной формулой В. И. Ленина: «Страшно далеки они от народа...» При том что ни этой ритуальной фразы, ни вообще ссылок на «классиков» в моей работе не было.

Книга вышла в отнюдь не либеральном издательстве «Советская Россия». Но, как это бывало в советских издательствах, в конкретной редакции работали достойные и понимающие люди.

Однако решающую роль в появлении книги сыграли внутренние рецензии двух историков — маститого доктора исторических наук Андрея Григорьевича Тартаковского, крупнейшего специалиста в сфере изучения русской мемуаристики XVIII–XIX веков, и молодого кандидата тех же наук Сергея Владимировича Мироненко, уже тогда глубокого знатока декабристского материала, ученика Нечкиной и Петра Андреевича Зайончковского.

Предложенное через два года переиздание книги директор издательства запретил.

Следующее издание — под названием «Мятеж реформаторов» — вышло уже в другую эпоху, в 1989 году.

От издания к изданию книга дополнялась, появлялись новые детали и подробности.

В издании 2006 года главным событиям был предпослан очерк политической истории русской гвардии начиная с Петровской эпохи. Собственно, восстание 14 декабря и завершило эту историю, а лидеры тайного общества в своих тактических планах ориентировались на опыт гвардейских переворотов XVIII века.

Эта структура сохранилась и в предлагаемом издании. Кроме того, в нем существенно уточнены некоторые принципиально важные ситуации.

Автор, разумеется, сознает, что ключевые для нашей истории недели ноября-декабря 1825 года требуют дальнейшего изучения, и отнюдь не считает, что он «закрыл тему». Остается еще достаточно неясностей в бурных и трагических событиях междоусобицы и мятежа. Неясностей как фактологических, так и психологических.

За более чем столетнюю историю отечественного декабристоведения исследователями была проделана колоссальная работа, которая продолжается и по сию пору. И автор надеется, что, опираясь на драгоценный опыт своих предшественников, ему удалось приблизиться к воссозданию близкой к реальности картины роковых событий.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ВЛАСТЬ И ГВАРДИЯ

Падение постепенное дворянства; что из того следует?
восшествие Екатерины II, 14 декабря и т. д.

Пушкин

СОЛДАТЫ РЕФОРМ

В истории России XVIII — начала XIX века есть явление, не имеющее аналогов в жизни европейских стран того же периода. Впрочем, я бы затруднился найти аналог этому явлению в европейской истории вообще.

Явление это — политическая роль русской гвардии.

Невозможно достаточно полно понять период нашей истории от Петра I до Николая I, не исследовав политическую историю гвардии. Работа эта между тем еще не проделана. Не изучен с достаточной точностью социальный состав гвардии, характер и динамика его изменения. И эта неизученность рождает исторические мифы.

Речь идет именно о политической истории, ибо после окончания Северной войны на протяжении многих десятилетий XVIII века гвардия не принимала сколько-нибудь активного участия в масштабных военных действиях. Главной сферой деятельности гвардейских полков оказалась чистая политика.

Слово гвардии стало решающим во все переломные моменты русской истории с 1725 по 1825 год. Хотя внутриполитическая роль ее была определяющей и в предшествующие два десятилетия.

Жанр и задача данной книги исключают возможность углубленного исследования этой проблематики, но беглый обзор участия гвардии в политической жизни страны, ее роли в создании нового государства необходим. Иначе останется неясным и реальное соотношение сил в ноябре-декабре 1825 года, когда — в очередной раз — решилась судьба России.

Необходимо также попробовать понять мотивы действий гвардии на разных этапах русской истории.

«Весь узел русской жизни сидит тут», — сказал Лев Николаевич Толстой о периоде Петровских реформ.

Одна из главных нитей, образовавших этот узел, была разрублена, а если угодно — разорвана сотнями воющих чугуновых шариков, посланных в пятом часу пополудни 14 декабря 1825 года от угла Адмиралтейского бульвара и Сенатской площади в сторону монумента создателя гвардии. А мишенью были стоящие возле монумента мятежные гвардейские батальоны, взбунтовавшиеся, по сути дела, против результата титанического деяния Петра — основанной на всеобщем рабстве военной империи. Но этому предшествовало для гвардии наполненное событиями столетие...

Гвардия была первым и, может быть, наиболее совершенным созданием Петра. Эти два полка — шесть тысяч штыков — по боевой выучке и воинскому духу могли потягаться с лучшими полками Европы.

Гвардия была для Петра опорой в борьбе за власть и в удержании власти. Гвардия была для Петра «кузницей кадров». Гвардейские офицеры и сержанты выполняли любые поручения царя — от организации горной промышленности до контроля за действиями высшего генералитета.

Гвардия всегда знала свой долг. Так она была воспитана. Гвардия казалась Петру той идеальной моделью, ориентируясь на которую он мечтал создать свое «регулярное» государство — четкое, послушное, сильное в военном отношении, слаженно и добросовестно работающее.

Гвардия боготворила своего создателя. И недаром. Дело было не только в почестях и привилегиях. Петр дал семеновцам и преображенцам мощное самоощущение участия в строительстве священного храма нового государства. Гвардеец не только был, но и осознавал себя государственным человеком. И это совершенно новое для маленького русского человека самоощущение давало петровскому гвардейцу необыкновенные силы.

Стрелец царя Алексея Михайловича тоже был патриотом. Но он стоял за традицию, за незыблемость или медленную эво-

люцию государственного быта, сливающегося для него с бытом домашним, его идеалом было сохранение окружающей его жизни и ее эталонных ценностей. Петровский гвардеец понимал себя созидателем нового и небывалого. В отличие от стрельца, он был куда меньше связан с бытом, он был аскетичнее. Он был предан будущему. Он жил с ощущением постоянного порыва, движения, совершенствования. Он был человеком реформ как жизненного принципа.

Именно это мироощущение и самоощущение, а не бритый подбородок и европейский мундир принципиально отличали петровского гвардейца от солдата допетровского.

Но в том же могучем самоощущении берет начало и та трагическая раздвоенность, то несовпадение личных возможностей и условий для их реализации, которые радикально влияли на политическое поведение гвардии с 1725 по 1825 год.

Петр пытался вырастить деятельных, инициативных людей с чувством личной ответственности — в условиях жестокого самодержавного деспотизма, ни одной из прерогатив которого он поступиться не желал.

Он хотел вырастить рабов с деловыми качествами свободных людей.

Петр разбудил жажду ответственного действия в русском человеке — в русском дворянине прежде всего — и поместил его при этом в жесткую структуру военно-бюрократической деспотии. И если при жизни Петра система обладала еще определенной внутренней динамикой и гибкостью, которые сообщала ей сверхчеловеческая воля и энергия царя, то после его смерти она приобрела целеустремленную тенденцию к окостенению, к антиреформистскому бытию, к тому, что мы впредь будем называть ложной стабильностью.

Разумеется, в послепетровскую эпоху в правящем слое начались отбор и размежевание. Одни сохранили дух движения, совершенствования, созидания. Другие стремительно усвоили черты рабской подчиненности. Вторых оказалось значительно больше.

В 1718 году Александр Кикин, человек недавно еще очень близкий к царю, а теперь замешанный в дело царевича Алек-

сея, вися на дыбе в застенке Тайной канцелярии, на вопрос Петра: «Как же ты, умный человек, пошел против меня?» — отвечал: «То-то что умный, а уму с тобой тесно!»

Вот эта «теснота уму», Петром разбуженному, в условиях самодержавия, усовершенствованного и укрепленного тем же Петром, стала причиной драмы дворянского авангарда на много десятилетий вперед...

Не представив себе, хотя бы в общих чертах, решающих событий этой сотни лет, событий, определенных вмешательством гвардии в политическую жизнь империи, не проследив, хотя бы конспективно, последовательный процесс превращения дворянской оппозиционности в дворянскую революционность, мы не поймем неизбежности взрыва 14 декабря и непоправимости случившегося в тот день.

Пушки на Истре

17 июня 1698 года под стенами Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря на берегу реки Истры встали лагерем четыре мятежных стрелецких полка.

Эти полки воевали под Азовом, несли тяжкую гарнизонную службу в захваченной крепости.

Но на Истру они пришли с последнего места службы, из города Торопец, где они нищенствовали и голодали, не получая жалованья, терпели притеснения местных властей и тосковали по женам и детям, оставшимся в Москве.

Доведенные до отчаяния, стрельцы шли в Москву за справедливостью.

А на противоположном берегу реки уже ждали их Семеновский и Преображенский «потешные» полки, полки солдатского строя и артиллерия.

Стрельцов пытались уговорить. «Боярин и большого полку воевода» Алексей Семенович Шеин посылал к ним генерала Патрика Гордона, генерала князя Ивана Кольцова-Мосальского, дважды ходил в лагерь мятежников посыльный воевода князь Иван Ржевский. Стрельцов убеждали, «чтоб они в винах своих великому государю добились челом и шли в указанные мес-

та, где им по ево, великого государя, указу быть велено, а противности и упорства не чинили».

Но стрельцы, чуявшие, что здесь, на берегу Истры, страшно решается их судьба, «во всем отказали и говорили невежливые и свирепые слова, и стали в упорстве, что иттить им к Москве; и обоз свой укрепили, и знамена распустили, и с пушки и с ружьем против большого полку ратных людей ополчились.

И боярин и большого полку воевода Алексей Семенович с товарищи, видя их, стрельцов, такую многую противность, велел для страху из пушек по ним выстрелить. И они, воры и противники, из обозу своего из пушек и из мелкого ружья большого полку по ратным людям стреляли ж и на вылазку выходили, и ясаками кричали, и знамена укрывались; и ранили бомбардира-иноземца, который от той раны умре, да дву человек подъячих, да солдата.

И боярин и большого полку воевода, видя их такую многую противность и непокорство, велел по ним из всех пушек стрелять. И они, противники, видя большого полку ратных людей крепкое ополчение, а в своей братьи многих раненых и побитых, знамена приклонили, и ружье покинули, и били челом великому государю виною своею...»

Так говорилось в донесении о разгроме взбунтовавшихся.

Тут надо сказать, что против стрелецких легких пушек Шейн и Гордон выставили 25 более тяжелых орудий.

Затем были скорый розыск и казнь зачинщиков. А по возвращении в августе того же года Петра из-за границы начался большой розыск и массовые казни стрельцов. Тут-то и вступила Россия окончательно в Петровскую эпоху.

Вопрос о политической подоплеке стрелецкого выступления — непрост. Но некоторые историки склонны считать мятеж 1698 года спровоцированным теми невыносимыми условиями, в которые сознательно были поставлены стрелецкие полки. В. И. Буганов в предисловии к документам розыска писал: «Это движение... неверно квалифицировалось как реакционный бунт стрельцов, инспирированный консервативным боярством и дуровенством и направленный против петровских преобразова-

ний»¹. Опубликованный свод документов подтверждает это мнение.

Нет нужды идеализировать стрелецкое войско как военный и политический институт. Стрелецкое войско отжило свой век, а на памяти современников были кровавые стрелецкие бунты.

Но стрельцы были живыми людьми, а исторический поток состоит из конкретных человеческих судеб.

Мы можем попытаться представить себе психологическое состояние стрельцов, на глазах которых разваливался, уничтожался привычный, родной, освященный традицией мир.

На них наступала новая, чуждая, жестокая реальность, железная Петровская эпоха. Они и рады были бы получить место в этой новой реальности. Они готовы были служить молодому царю — по-человечески, в пригодных для жизни условиях. Но для них не было места.

За несколько дней до столкновения с гвардейскими полками на Истре они составили царю челобитную: «Великому государю и великому князю Петру Алексеевичу... с многоскорбне и великими слезами холопи твои, московские стрелецкие полки...» Так начиналась челобитная. А после перечисления обид и нестерпимых тягот заканчивалась: «А боярин и воевода князь Михайла Григорьевич Ромодановский нас, холопей твоих, вывед по полкам из Торопца, велел рубить, а за что — того мы, холопи твои, не ведаем. Да мы же, холопи твои, слыша, что в Московском государстве чинится великое страхование, и от того города затворяют, а отворяют часу в другом или в 3-м, и всему московскому народу чинитца наглость. Да нам же слышна, что идут к Москве немцы и то, знатно, последую брадобритию и табаку, всесовершенное благочестию испровержение. Аминь».

Стрельцов вытесняли из истории — политически и физически. И страх за собственную жизнь сливался в их душах со страхом за страну.

Стрельцам не оставляли иного выхода, кроме отчаянного, бесперспективного мятежа. И причина тут не только в личных качествах Петра или его доверенных лиц, а в принципиальной

¹ Восстание московских стрельцов. 1689 год. М., 1980. С. 3.

бескомпромиссности родившегося в эти дни российского неограниченного самодержавия. Бескомпромиссности, которая, будучи возведенной в политический принцип, привела к серии роковых столкновений с собственным народом и в конце концов к гибели империи.

Есть известия, что во время розыска о стрелецком движении Петр думал собрать нечто вроде Земского собора.

«Сегодня царь решил выбрать из всех своих подданных: бояр, князей, офицеров, стольников, писцов, горожан и крестьян по два человека, с тем чтобы представить собравшимся на правах собора полную власть, допросить по его приказанию Софью о ее преступных замыслах. Затем они должны были определить наказание, которого она заслуживала, и всенародно объявить его», — писал 11 октября 1698 года австрийский дипломат Корб, находившийся в Москве.

Никаких иных известий о «соборе 1698 года» не сохранилось.

Петр перечеркнул собственную идею. И это крайне симптоматично. Очевидно, молодой царь инстинктивно искал поддержки у сословий, но, узаконив свои действия по традиции XVII века советом с представителями сословий, Петр тем самым признал бы право сословий на участие в управлении государством. А он вовсе не хотел создавать подобный прецедент. И единолично принял решение о массовых казнях и лично в этих казнях участвовал.

Традиция земских сборов, которых академик Л. В. Черепнин насчитал за полтора предпетровских века 57, полагая при чем, что на самом деле их было больше, — эта традиция была пресечена Петром навсегда.

В предпетровскую эпоху незаурядный мыслитель Юрий Крижанич, всматриваясь в политический быт русского государства, пришел к выводу, что земские соборы, в критические моменты корректирующие действия верховной власти, спасают страну от «людодерства» — тирании — как постоянной формы политического существования. Суждение Крижанича небезусловно. В эпоху «людодерства» Ивана Грозного соборы своей функции не выполнили. Но потенциально они могли развиваться в представительную систему.

Я пишу здесь об этом потому, что первой акцией, которую планировали вожди декабристов после своей победы, был созыв Всероссийского собора для определения государственного устройства...

А пока что на берегах Истры прекрасно вооруженная и обученная гвардия — главная ударная сила карательного корпуса, без колебаний преданная своему создателю, — с легкостью ликвидировала попытку стрельцов отыскать справедливость — как они ее понимали.

Политика по-гвардейски

Когда в середине 1710-х годов — после Полтавского триумфа, после завоевания Финляндии, сделавшего положение Петербурга незыблемым, — Петр обратился к делам внутренним и попытался наладить государственный механизм и справиться с галопирующей коррупцией, то оказалось, что единственным рычагом, на который царь может налегать всей тяжестью, не рискуя обломать его, является гвардия.

То, что гвардейские полки — шесть тысяч телохранителей — есть гарантия удержания Петром власти, было ясно еще с первых лет царствования. По свидетельству Берхгольца, Петр часто говорил, что «между гвардейцами нет ни одного, которому он бы смело не решился поручить свою жизнь».

Использование гвардейцев разных рангов для самых неожиданных поручений практиковалось давно. В 1706 году к фельдмаршалу Шереметеву, главнокомандующему русской армией, направленному для подавления астраханского восстания, представлен был в качестве личного представителя государя гвардии сержант Михайло Щепотев.

Щепотев получил по указу Петра очень большие полномочия. «Что он вам будет доносить, извольте чинить», — наказывал царь фельдмаршалу. И не главнокомандующий, а гвардии сержант пользовался полным доверием царя. Гвардии сержанту вручалось право «смотреть, чтоб все по указу исправлено было, и буде за какими своими прихоти не станут делать или станут, да медленно, — говорить; а буде не послушают, сказать, что о том писать будешь ко мне».

Вдумаемся — сержант может не только контролировать действия фельдмаршала, но и делать ему замечания, фактически — приказывать.

Щепотев — фигура типичная. Недаром Лев Толстой выбрал его одним из главных героев романа о Петре. Щепотев — в центре двух больших набросков этой начатой и брошенной Толстым исторической эпопеи.

Щепотевы — хорошая дворянская фамилия. И хотя мы не знаем из какой — благополучной или оскудевшей — ветви ее происходил гвардии сержант, но по всему видно, что жизненную ставку он сделал на военную и государственную карьеру. Толстой моделировал его судьбу на меншиковский лад — смелый, решительный, смышленный, преданный царю молодой человек из низших слоев (хоть и дворянин). Другого такого гвардии сержанта — Украинцева — Петр позже послал начальствовать над Уральскими государственными заводами, несмотря на полную его некомпетентность в горном деле. Этот подход хорошо знаком нам по большевистским временам. Для Петра, несмотря на весь его прагматизм, идеологическая преданность часто играла первенствующую роль. Гениальный самоучка, он был уверен, что преданность и напор компенсируют профессиональную неопытность.

Так именно и было со Щепотевым. Как военачальник он, разумеется, Шереметеву в подметки не годился и натворил много глупостей. Но никакие жалобы оскорбленного фельдмаршала не принимались в расчет московским штабом, созданным для руководства карательными операциями в отсутствие Петра. Щепотеву сходило с рук все что угодно. Вплоть до того, что, к изумлению Москвы, гвардии сержант вместо фельдмаршала принимал депутации мятежных астраханцев, даже не ставя главнокомандующего в известность.

Нам чрезвычайно важно представить себе самоощущение этого гвардейского «птенца», которого отнюдь не смущал и не тяготил его малый чин. И у нас, к счастью, есть такая возможность, ибо, понимая себя личным эмиссаром царя, Щепотев взял на себя истинно царскую функцию и стал издавать «указы»: «По именному де великого государя указу послан с Москвы Преображенского полку бонбандирской роты уандер офицер Михайло Иванович Щепотев от его царского пресветлого

величества х кавалеру Борису Петровичу Шереметеву да х князю Петру Ивановичу Хованскому, а с ним, уандер офицером, послано солдацких пехотных полков двенадцать и велено, соединясь с ним, ковалером идти на низ до Астрахани»¹. И далее «указ» предписывал жителям городка Черный Яр принять и поселить полки.

Если вчитаться в текст «указа», то становится ясно, что гвардии сержант считал себя равным фельдмаршалу. Он должен был «соединиться» с ним, а не поступить в его подчинение. И можно было бы счесть преображенца Михаилу Щепотева Хлестаковым XVIII века, если бы мы не знали, что, являясь доверенным лицом государя, он обладал в корпусе Шереметева, по сути дела, большей властью, чем сам фельдмаршал. Шереметев боялся Щепотева.

Гвардейские сержанты копировали своего властелина. Гвардии сержант чувствовал себя хозяином мира. Эта безграничная самоуверенность и погубила Щепотева — на следующий год он погиб, штурмуя с горстью солдат шведский военный корабль, который принял сперва за купеческое судно. Это ощущение владения миром, умение в решающий момент подогнуть жизнь под колено, этот безудержный напор и насилие давали, конечно, быстрые результаты. Но построить что-либо прочное и долговечное таким образом было невозможно...

Если до середины 1710-х годов использование гвардейцев на таких ролях было эпизодическим, то с этого переломного времени оно стало системой.

Необычайность особого статуса гвардейца делалась все грандиознее.

Когда в правительствующем Сенате — высшем государственном органе, управлявшем страной в отсутствие царя, — возникали разные конфликты, кто оказывался в роли судей?

В 1717 году сенатор князь Яков Долгорукий «без приговору всех сенаторов общего, самовластно, своею силою, являя всем страх и по каким-то своим злобам, поехав в застенки один... фискала Безобразова пытал жестоко, а другие сенаторы для той пытки, кроме племянника его, князь Михайлы Долгоруко-

¹ Цит. по: Голикова Н. Б. Астраханское восстание 1705–1706 гг. М., 1975. С. 285.

го, никто не ездили». Сенаторы, считая это нарушением обязательного коллегиального принципа, пожаловались царю. Кто же был назначен разбирать конфликт первых сановников государства? Три гвардейские офицера — майоры Дмитриев-Мамонов и Лихарев и поручик Бахметев. Никакого отношения к Сенату они не имели, но, как преображенец Щепотев, эти трое оказались облечены властью судить сенаторов потому, что они были — гвардейцы.

Когда в 1723 году судили сенатора Шафирову, то наряду с такими персонами, как сенаторы Брюс и Мусин-Пушкин, в состав суда вошли два гвардейских капитана — Бредихин и Баскаков, два «государева ока».

Когда во время податной реформы, начавшейся в конце 1710-х годов с переписи населения, гражданские чиновники и армейские офицеры не справлялись с этой гигантской задачей или саботировали ее, то для контроля и устрашения по стране рассылались десятки гвардейских офицеров, сержантов и солдат, наделенных огромными полномочиями. Крупных чиновников из местной администрации гвардейцы держали «в оковах на цепях и в железах непрестанно». Тем, кто запаздывал в отправке ревизских сказок в столицу, гвардейскими эмиссарами «чинено... жестокое наказание батожем и держаны в тюрьме многие числа».

По своим функциям это была новая опричнина, вставшая де-факто между царем и всеми остальными.

Хронологически возникновение этой «гвардейской опричнины» как систематического и последовательного явления идеально совпадает с периодом «дела царевича Алексея» — моментом открытого кризиса во взаимоотношениях Петра и России.

Трезвый исследователь эпохи Павел Николаевич Милюков писал: «Мы имеем... наглядное доказательство того высокого доверия, которое Петр, вообще такой недоверчивый, выказывал своей дворянской¹ гвардии. В ту пору, когда, как мы видели,

¹ Термин «дворянская гвардия» вызывает серьезные сомнения, тем более что сам Милюков страницей ранее писал о комплектовании «потешных» из придворных товарищей юного царя, мелких дворян и «совсем простого происхождения ребят». Гвардия включала в себя выходцев из всех сословий (мы в этом еще убедимся) и была явлением принципиально внесословным.

он стал сомневаться в своих ближайших сотрудниках и товарищах, — для того чтобы расследовать их темные дела, наказать их и вообще дать им понять, что он может обойтись и без них, — Петр не нашел ничего лучшего, как обратиться к своим майорам гвардии. Это был его последний ресурс. Майоры, полковники и капитаны гвардии явились председателями следственных комиссий и членами судов, обнаруживших целый ряд хищений и беспорядков в деятельности ближайших помощников Петра. Известен рассказ Фокеродта, что в последний год жизни Петр, „потеряв всякое терпение“, сам вошел во все подробности следственных дел, посадил возле себя, в особой комнате своего дворца, одного из таких доверенных людей, генерал-фискала Мякина, и на его вопрос, отсекать ли ветви или рубить самый корень, ответил: „искореняй все“¹.

Да, в последние годы и месяцы жизни Петр, видя неожиданные результаты своей деятельности — тотальную развращенность соратников, которой он и приписывал неудачи во внутренней политике, готов был «искоренять все» руками полковника Мякина и иже с ним. Он готов был все и вся заменить верными и честными гвардейскими офицерами и сержантами. Гвардию коррупция если и коснулась, то в незначительной степени — нам неизвестны «гвардейские дела» о взятках или воровстве.

«Потеря терпения», тяжкое душевное состояние Петра в последние годы, о котором выразительно писал Ключевский, напоминает нам предсмертную драму другого великого демиурга — Ленина. Но, в отличие от свирепого реформатора XX века (который, быть может, того не сознавая, шел по стопам первого императора), Петр не пытался сменить модель — он просто не знал, по своему психологическому устройству, другого пути. Внутриполитический кризис он по-прежнему старался забить внешнеполитической активностью — кончилась двадцатилетняя Северная война, тут же началась Персидская. Изнурением основной территории страны добывались все новые пространства. Приобретение новых пространств оправдывало крайнюю степень военизации государства. Военизация государства дава-

¹ Милуков П. Н. Очерки по истории русской культуры. Ч. 3. Вып. 1. СПб., 1901. С. 153.

ла возможность придавать положению видимость стабильности, используя верность и жестокую энергию гвардейских эмиссаров.

Использование военной силы для решения внутривнутриполитических и экономических задач всегда есть признак не только кризисности положения и неорганичности структуры управления, но и растерянности власти. Когда Кромвель вошел в неразрешимый конфликт с парламентской системой Англии и не знал, как из него выйти, то он — при всем его незаурядном уме и политическом чутье — не нашел ничего лучшего, как ввести знаменитый режим генерал-майоров, отдав страну в руки лично ему преданных боевых соратников, своих гвардейцев. Но, в отличие от Петра, он быстро понял порочность этого принципа и отказался от него. Россия же была отдана во власть военнизированного управления — на столетия.

Одной из главных неудач Петра было то, что ему не удалось создать единую структуру управления, пронизывающую государственный аппарат, армию и гвардию, церковь, податные сословия. Он подходил к этой грандиозной задаче чисто механистически, не желая учитывать жизненные интересы различных групп. Интересы чиновничьего аппарата и армии совпадали только частично. Аппарат к концу 1710-х годов оказался чисто функционален по отношению к армии. Он существовал главным образом для того, чтобы снабжать армию всем необходимым, грабя податные сословия. Естественным образом интересы податных сословий категорически не совпадали с интересами аппарата и армии. Государство стремилось взять у народа как можно больше, ничего не давая взамен. Менее всего оно выполняло свою роль защитника гражданина. Он был беззащитен перед бесчинством чиновника или тем более офицера, сержанта, солдата.

К концу царствования Петра в стране явно обозначились две параллельные структуры управления — гражданская и военная. Элитой второй структуры была гвардия в своей политико-административной ипостаси.

Гражданский аппарат по сравнению с гвардией был неотлаженным, неуклюжим, медлительным, вороватым, лишенным сознания своей миссии, которое было так сильно в гвардии.

ЯКОВ АРКАДЬЕВИЧ ГОРДИН
ДЕКАБРИСТЫ
МЯТЕЖ РЕФОРМАТОРОВ

Руководитель проекта Кирилл Красник
Ответственный редактор Алла Степанова
Художественный редактор Валерий Гореликов
Технический редактор Мария Антипова
Компьютерная верстка Михаила Львова
Подготовка иллюстраций Екатерины Мишиной, Дмитрия Кабакова
Корректоры Дмитрий Капитонов, Ульяна Смирнова

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 15.08.2025.
Формат издания 60 × 88 ¹/₁₆. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.
Усл. печ. л. 42,14 (вкл. вклейку). Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» —	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ —
обладатель товарного знака АЗБУКА®,	АЗБУКА® тауар белгісінің иесі,
115093, Москва, вн. тер. г.	115093, Мәскеу, қ. іш. аум.
муниципальный округ Даниловский,	Даниловский муниципалдық округі,
пер. Партийный, д. 1, к. 25	Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19	Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru	E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА»	Санкт-Петербург қ.,
в г. Санкт-Петербурге,	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы,
191024, Санкт-Петербург,	191024, Санкт-Петербург,
Херсонская ул., д. 12–14, лит. А	Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А
Тел. (812) 327-04-55	Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru	E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru	www.azbooka.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы
мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <https://certification.atticus-group.ru/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

A-NFB-38953-01-R